

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Поэтика культуры повседневности в прозе С. Довлатова

Исполнитель Христофоров Александр Витальевич
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой 
(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«10» сентября 2025 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2025

Оглавление

Введение.....	2
ГЛАВА 1. ПОЭТИКА КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА	10
1.1 Культура повседневности в литературном процессе XX века.....	10
1.2 Культура повседневности в русской литературе 60-80-х гг. XX века.....	22
Выводы по главе 1.....	28
Глава 2. Культура повседневности в произведениях Сергея Довлатова («Филиал», «Иностранка», «Зона», «Заповедник», «Чемодан»).....	29
2.1. Влияние культуры повседневности на личность и творчество Сергея Довлатова	30
2.2. Отражение культуры повседневности 60-80-х годов XX века в прозе Сергея Довлатова	33
Выводы по главе 2.....	43
Список литературы	45

Введение

В современном гуманитарном знании наблюдается возрастающий интерес к феномену повседневности. Эта категория, выйдя за рамки социологического или исторического анализа, активно осмысливается в культурологии, философии и, что особенно важно для предложенной работы, в литературоведении. Культура повседневности понимается и как то, во что погружен человек, где и как он живет и мыслит, как говорит и общается, и как создаваемый человеком мир ценностей, смыслов, символов и значений, как способ жизни, включающий материальный и духовный уровни. Культура повседневности становится ключом к пониманию глубинных процессов индивидуального и общественного сознания.

Литературоведение, обращаясь к повседневности, исследует не просто фон, на котором разворачиваются события, но и активную, смыслообразующую среду, влияющую на формирование характеров, сюжетов и авторских концепций. В этом контексте обращение к творчеству Сергея Довлатова представляется исключительно актуальным. Его проза обнаруживает глубокую связь с проблематикой повседневности. Довлатов сфокусирован на частной жизни «маленького человека», на абсурдных и трагикомических деталях быта, которые под его пером обретают экзистенциальное звучание. Его, зачастую автобиографический, герой и псевдодокументализм повествования предвосхитили многие тенденции современной литературы, включая интерес к «малым историям», антропологии повседневности и жанру автофикшн. Довлатовский подход к изображению обыденности – ироничный, отстраненный, но при этом глубоко гуманистичный – позволяет не только реконструировать социокультурную атмосферу советской и эмигрантской жизни 60-80-х годов XX века, но и затрагивать универсальные вопросы экзистенции, в том числе специфику русского менталитета.

Актуальность исследования поэтики повседневности в прозе С.Д. Довлатова обусловлена необходимостью более глубокого понимания его

уникального авторского стиля. Его внимание к мелким событиям, которые способны воссоздать целостную картину эпохи, его мастерство в передаче фона и специфический юмор, появляющийся на стыке обыденного и абсурдного, требуют системного анализа именно через призму повседневности. Изучение того, как С.Д. Довлатов конструирует повседневный мир, какие художественные средства использует для его репрезентации и какие смыслы вкладывает в изображение обыденного, открывает новые перспективы для интерпретации его творчества и определения места в русской литературе XX века. Анализ динамики изображения повседневности у Сергея Донатовича Довлатова – от советского периода к эмигрантскому – позволяет проследить эволюцию его мироощущения и поэтики, что добавляет еще один важный аспект актуальности данной работы.

Проблема повседневности как объект научного осмысления имеет достаточно богатую историю. Значительный вклад в ее теоретическую разработку внесли представители французской Школы «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель), сместившие фокус исторического исследования на «структуры повседневности» и ментальность «маленького человека». В отечественной гуманитарной мысли к проблемам быта и повседневности обращались такие ученые, как М.М. Бахтин [6; 7] и Ю.М. Лотман [27; 28; 29; 30], чьи труды заложили основы для изучения этих категорий в литературоведении. Современные исследователи, такие как И.Т. Касавин и С.П. Щавелев, продолжают развивать теорию повседневности, адаптируя ее к анализу различных культурных феноменов.

Творчество Сергея Довлатова также стало предметом многочисленных исследований. Работы таких критиков и литературоведов, как И. Сухих [38], А. Генис [17; 13; 14], П. Вайль [13; 14], А. Арьев [3; 4; 5], заложили фундамент для исследования прозы Довлатова, охарактеризовав основные черты его поэтики, биографический контекст и связи с литературной традицией. Существует множество статей и монографий, посвященных

отдельным аспектам его творчества: языку и стилю, юмору, автобиографизму, связям с американской литературой, рецепции его произведений.

В ряде работ затрагиваются и вопросы, связанные с изображением повседневности в прозе Довлатова. Исследователи отмечают его интерес к бытовым деталям, к жизни «обывателей», к абсурдности советской и эмигрантской действительности. Например, А.Н. Анисимова и Ю.И. Ефремова [2, с. 4209-4212] выделяют такие признаки повседневности в его художественном мире, как повторяемость, замкнутость пространства и обращение к сфере частной жизни. Анализировались отдельные произведения с точки зрения отражения в них тех или иных элементов повседневной культуры – городской, лагерной, журналистской, семейной.

Однако несмотря на обширную библиографию, посвященную как теории повседневности, так и творчеству Довлатова, комплексный анализ поэтики культуры повседневности как целостной художественной системы в избранных произведениях писателя «Филиал», «Иностранка», «Зона», «Заповедник», «Чемодан» еще не был предпринят. Выбор данных произведений обусловлен их репрезентативностью для освещения различных граней довлатовской поэтики повседневности – от советской и лагерной до эмигрантской. Недостаточно изучены специфические художественные приемы репрезентации повседневности в прозе Довлатова, их функции в формировании его уникального авторского стиля и картины мира. Остается открытым вопрос о типологических связях и динамике изображения различных модусов повседневности (советской, лагерной, эмигрантской) в его творчестве, о том, как эти модусы взаимодействуют и какие связующие моменты обеспечивают единство его художественного мира. Таким образом, существует потребность в системном исследовании, которое бы восполнило указанные лакуны и предложило целостную концепцию поэтики повседневности в прозе Сергея Довлатова.

Научная новизна настоящей выпускной квалификационной работы заключается в следующем: впервые предпринимается комплексное

исследование поэтики культуры повседневности в повестях С. Довлатова «Филиал», «Иностранка», «Зона», «Заповедник» и сборнике рассказов «Чемодан» как целостной, системно организованной художественной структуры; выявляются и систематизируются специфические художественные приемы и средства репрезентации повседневности в указанных произведениях (включая роль детали, особенности хронотопа, языка, иронии, абсурда, диалогичности), а также определяется их функциональная нагрузка в формировании уникального авторского стиля и картины мира писателя; устанавливаются типологические связи и выявляются связующие мотивы и приемы в изображении различных модусов повседневности (советской, лагерной, эмигрантской), что позволит говорить о единстве художественного мира Довлатова при всем многообразии изображаемых реалий. Особый акцент делается на исследовании динамики изображения повседневности у Довлатова – от произведений, отражающих советский опыт, к текстам, посвященным эмиграции. Анализируется, как эта динамика отражает изменения в мироощущении писателя, его этических и эстетических установках, и как эволюционирует его поэтика повседневности (например, характер иронии, природа абсурда, фокус на деталях). В научный оборот вводятся наблюдения и выводы, касающиеся взаимодействия факта и вымысла в «псевдодокументальной» прозе Довлатова применительно к изображению повседневных реалий, что углубляет понимание его творческого метода. Таким образом, научная новизна работы состоит в выборе аспекта исследования и в подходе к материалу, предполагающему выявление системных связей и динамических процессов в поэтике повседневности Сергея Довлатова.

Объектом исследования является проза Сергея Довлатова, представленная его ключевыми произведениями разных периодов творчества: повестями «Филиал» (1989), «Иностранка» (1986), «Зона» (1982), «Заповедник» (1983) и сборником рассказов «Чемодан» (1986).

Предметом исследования является специфика художественного воплощения культуры повседневности (советской и эмигрантской; городской, лагерной, журналистской, литературной, семейной) в указанных произведениях С. Довлатова.

В фокусе внимания находится система поэтических средств и приемов (таких как автобиографизм, роль детали, вещный мир, хронотоп, язык, ирония, абсурд, диалогичность), формирующих образ повседневности и выражающих авторское отношение к ней, а также связующие элементы, обеспечивающие целостность художественного мира писателя.

Целью исследования является комплексный анализ поэтики культуры повседневности в прозе С. Довлатова на материале повестей «Фиалиал», «Иностранка», «Зона», «Заповедник» и сборника рассказов «Чемодан», с последующим выявлением ее ключевых характеристик, художественных функций, способов репрезентации и динамики развития. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Уточнить содержание понятий «культура повседневности» и «поэтика культуры повседневности» применительно к литературоведческому анализу, опираясь на существующие разработки в гуманитарных науках.
2. Охарактеризовать основные тенденции в изображении культуры повседневности в русской литературе XX века, уделив особое внимание периоду 60-80-х годов, с целью определения литературного контекста, в котором формировалось и развивалось творчество С. Довлатова.
3. Проанализировать влияние различных аспектов культуры повседневности (специфика советской действительности, журналистский быт, опыт службы в лагерной охране, реалии эмигрантской жизни) на формирование личности, мировоззрения и творческой манеры С. Довлатова.
4. Исследовать на материале произведений «Фиалиал», «Иностранка», «Зона», «Заповедник», «Чемодан» специфические черты поэтики

повседневности Довлатова: особенности автобиографизма и псевдодокументализма, роль художественной детали и вещного мира, специфику хронотопа (включая мотив замкнутого пространства), языковые особенности (лаконизм, диалогичность, разговорный стиль), природу и функции иронии и абсурда.

5. Выявить и охарактеризовать сквозные мотивы, образы и приемы в изображении повседневности, которые обеспечивают смысловое и структурное единство художественного мира Довлатова в рассматриваемых произведениях, а также проследить динамику их использования при переходе от изображения советской повседневности к эмигрантской.

Методологическую базу работы составляет комплексный подход, сочетающий несколько методов литературоведческого анализа. Историко-литературный метод применяется для определения места творчества Довлатова в контексте русской литературы XX века и выявления традиций и новаторства в изображении повседневности. Сравнительно-типологический метод используется для сопоставления различных модусов повседневности в прозе писателя и для сравнения его подхода с подходами других авторов. Структурно-семиотический метод направлен на анализ знаковой природы художественных деталей, образов и мотивов, формирующих мир повседневности. Биографический метод позволяет установить связь между жизненным опытом писателя и особенностями его творчества. Ключевым является метод целостного анализа художественного произведения, направленный на выявление единства формы и содержания в изображении повседневности.

Теоретической основой исследования послужили труды классиков отечественной филологии М.М. Бахтина (теория хронотопа, диалогизма) [6; 7] и Ю.Н. Тынянова (проблемы литературной эволюции, функции элементов художественной системы) [40; 41], Ю.М. Лотмана (семиотика культуры и быта) [27; 28; 29; 30]. Важное значение имеют также работы современных

исследователей, посвященные теории повседневности и творчеству С. Довлатова.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении и систематизации научных представлений о поэтике Сергея Довлатова, в частности, о роли, функциях и способах художественной репрезентации повседневности в его прозе. Исследование разрабатывает категорию «поэтика культуры повседневности» в отечественном литературоведении, уточняя ее содержание и реализуя методику анализа на конкретном материале. Результаты работы могут обогатить знания о специфике русской литературы второй половины XX века, о феномене «третьей волны» русской эмиграции и о месте С. Довлатова в этих процессах. Выводы о динамике изображения повседневности и о связующих элементах в его творчестве могут способствовать более глубокому пониманию эволюции его авторского метода и мировоззрения.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории русской литературы XX века, спецкурсов и семинаров, посвященных творчеству С. Довлатова или проблемам повседневности в литературе в высших учебных заведениях. Результаты исследования могут найти применение при написании учебных пособий, методических рекомендаций для студентов-филологов. Аналитические выводы и собранный материал могут быть полезны для дальнейших научных исследований, посвященных как творчеству Сергея Довлатова, так и более широким вопросам взаимодействия литературы и повседневной культуры.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, определяется степень ее научной разработанности, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования, характеризуются его методологическая основа, научная

новизна, теоретическая и практическая значимость, а также приводится структура работы. Первая глава «Поэтика культуры повседневности в русской литературе XX века» посвящена теоретическим аспектам изучения культуры повседневности и обзору основных тенденций ее отражения в русской литературе XX века, с акцентом на литературный контекст 60-80-х годов. Во второй главе «Культура повседневности в произведениях Сергея Довлатова („Филиал“, „Иностранка“, „Зона“, „Заповедник“, „Чемодан“»)» проводится непосредственный анализ поэтики повседневности в избранных произведениях С. Д. Довлатова, выявляются ее ключевые особенности и художественные функции. В Заключение подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшей работы по изучению данной темы. Список использованной литературы включает (52 наименования) научные монографии, статьи, диссертации и другие источники, использованные при написании работы.

ГЛАВА 1. ПОЭТИКА КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Данная глава заложит необходимый теоретико-исторический фундамент для последующего анализа творчества С. Д. Довлатова, очерчивая ключевые понятия и литературный контекст, в котором его проза возникла и с которым соотносится.

1.1 Культура повседневности в литературном процессе XX века

Понятие «культура повседневности» многогранно и рассматривается исследователями с различных точек зрения. Оно утвердилось как динамично развивающаяся область гуманитарного знания, характеризующаяся междисциплинарным подходом. Культура повседневности охватывает не только материальные аспекты жизни, но и семейное воспитание, мировосприятие, общепринятые нормы, экономический уклад и традиционные формы досуга, присущие определенной эпохе или социальной группе.

В широком смысле, это вся жизненная среда человека, сфера потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей, связанные с этим обычаи, ритуалы, формы поведения, привычки сознания. В более сфокусированном определении, сформулированном Е.Ю. Терещенко, актуальном для данного исследования, повседневность — это «то, во что погружен человек, где и как он живет и мыслит, как говорит и общается», это создаваемый им «мир ценностей, смыслов, символов и значений».

Важно разграничить «повседневность» и смежные, но не тождественные ей понятия. Так, «быт» чаще понимается как более статичная, формальная и коллективная сторона обыденной жизни, традиционно изучаемая этнографией. «Частная жизнь», в свою очередь, концентрируется на сфере дома и внутрисемейных отношениях, особенно в контексте городской культуры. «Повседневность» же предстает как более всеобъемлющая категория, включающая не только объективные условия

существования и стереотипные практики, но и субъективные переживания, динамику и потенциал к изменению, содержащая в себе и категорию «быта» и «частной жизни».

Исторически отношение к повседневности в контексте «высокой» культуры было неоднозначным. В средневековье она противопоставлялась духовному как плотское и профанное; в эпоху Просвещения – разуму как сфера иррационального и предрассудков; для романтиков – оригинальности и идеалу как нечто нетворческое и приземленное. Однако XX век ознаменовался «реабилитацией» повседневности. Утвердилось понимание, что именно в повседневной среде человек проводит большую часть жизни, и эта среда формирует систему координат для оценки всех прочих сфер опыта. Более того, повседневность стала рассматриваться как пространство, где и создается сам человек. Ключевым аспектом культуры повседневности является ее символическое измерение: обыденные предметы и действия выходят за рамки утилитарности, обретая значения, связанные со статусом, памятью, ценностями и идеалами, тем самым конструируя символическую реальность, присущую культуре как таковой.

Культура повседневности характеризуется тесной связью с базовыми потребностями человека и природой, отсутствием институционального оформления и общедоступностью, а также активным участием каждого индивида в ее созидании. Она находится в постоянном диалоге с «высокой» культурой, отражая ее идеи и, в свою очередь, влияя на нее [27; 29]. Растущий научный интерес к «культуре повседневности» отражает широкие культурные сдвиги. Происходит переоценка значимости индивидуального опыта, микроисторий и жизни «обычных» людей в противовес традиционному фокусу на «великих» событиях и элитарных формах культуры.

Эта демократизация исследовательского внимания создает благоприятный контекст для анализа творчества таких писателей, как Сергей Довлатов, чье творчество изначально ориентировано на «маленького человека» и поэтику его обыденной жизни. Отход от изучения

исключительно «высокой культуры» и великих людей к исследованию повседневного существования легитимизирует изучение авторов, сделавших именно эту сферу центральной в своем художественном мире. Само понятие «культура повседневности» обнаруживает внутреннюю диалектическую напряженность. С одной стороны, это сфера рутины, повторяемости, привычных действий и материальных нужд. С другой – как уже было замечено, именно здесь происходит конструирование смыслов, формирование идентичности, утверждение культурных ценностей и создание символических систем. Повседневные предметы и практики наполняются знаковым содержанием, выходящим за рамки их непосредственной функции. Эта двойственность превращает повседневность из пассивного фона в активный, зачастую противоречивый процесс. Литература, и в частности, проза Довлатова, активно использует это напряжение, находя экстраординарное в ординарном, абсурдное в рутинном и экзистенциальную глубину или ее трагическое отсутствие в самых тривиальных проявлениях быта. История изучения повседневности в гуманитарных науках прошла значительную эволюцию.

Первоначально, во второй половине XIX века, интерес к этой сфере ограничивался преимущественно описательным «бытописанием» и этнографическими зарисовками жизни отдельных социальных групп. Качественный прорыв связан с французской Школой «Анналов», представленной такими именами, как Люсьен Февр, Марк Блок и Фернан Бродель. Они применили междисциплинарный подход, изучая человека во всей полноте его социальных ролей и культурных проявлений, и сместили фокус на «традицию, статику» повседневной жизни. Концепция Ф. Броделя о «структурах повседневности» охватывала материальную жизнь (питание, одежда, жилище, техника), психологию и ежедневные практики, стремясь выявить глубинные инварианты в повседневной жизни различных историко-культурных общностей. В 1980-х гг. в Германии и Италии сформировалось направление история повседневности «Alltagsgeschichte», ключевой фигурой

которого стал Альф Людке. Этот подход сместил фокус на микроуровень – семью, близких, трудовой коллектив, – стремясь услышать голоса «маленьких людей» и реконструировать их субъективный опыт, их восприятие как великих исторических событий, так и обыденных явлений. «История снизу», как ее называли, подчеркивала активную роль рядовых индивидов в историческом процессе и отвечала интересу к опыту тех, кто зачастую оставался «безымянным» и «молчаливым» для традиционной историографии.

Важную роль в актуализации темы повседневности сыграл так называемый «феноменологический поворот». Он ознаменовал переход от изучения «великих людей» и «событий» к миру «маленького человека», частной сфере «дома» и событиям ежедневной жизни. С точки зрения феноменологического подхода, повседневность – это не мир объектов, а «мир ощущений и смыслов, пласт опыта, переживаемого субъектом повседневности». Основоположник этого направления в социологии Альфред Шюц выделил ключевые характеристики повседневной реальности, такие как ее само собой разумеющаяся «естественность установки» и интерсубъективный, типизированный характер. Его идеи развили Питер Бергер и Томас Лукман в теории социального конструирования реальности, где повседневная жизнь предстает как интерпретируемый и субъективно осмысленный мир.

Этнометодология Гарольда Гарфинкеля исследовала неявные правила и «фоновые ожидания», структурирующие социальные взаимодействия. Наконец, направление «Cultural Studies», возникшее в рамках Бирмингемской школы, определило культуру как «способ жизни» и сосредоточилось на изучении того, как властные отношения и идеологии проявляются и воспроизводятся в повседневных культурных практиках. Эта эволюция методологических подходов к изучению повседневности – от макроисторических «структур» Анналистов [9; 11; 42] к микроисторическому вниманию к «маленькому человеку» у Людке и феноменологическому

анализу субъективного опыта [8; 48] – предоставляет все более точный инструментарий для анализа творчества Довлатова. Его художественный метод, основанный на автобиографическом повествователе, внимании к «некрупным событиям» и исследовании абсурда, переживаемого индивидом, находит наибольшее созвучие именно с поздними подходами, которые реабилитируют и ценят индивидуальную перспективу и проживаемую реальность обыденного.

Если Школа «Анналов» [9; 11; 42] заложила фундамент для изучения повседневности как исторической категории, то «Alltagsgeschichte» и феноменология [8; 48] сместили акцент на субъективный опыт и агентность «маленького человека», что напрямую коррелирует с довлатовским художественным миром. «Открытие» значимости «обычных людей» в истории и культуре является ключевым моментом. Традиционная историография и литературоведение часто концентрировались на элитарных фигурах и событиях, оставляя «безымянных» индивидов на периферии.

Развитие «истории повседневности» и смежных дисциплин вернуло этим «маленьким людям» их голос и историческую субъектность. Персонажи Сергея Довлатова – это именно такие «маленькие люди»: журналисты, лагерные охранники и заключенные, эмигранты, обитатели коммунальных квартир. Его проза возводит их повседневные драмы, радости и абсурдные ситуации до уровня значимого человеческого опыта. Таким образом, научная легитимация «обыденного» обеспечивает прочную теоретическую базу для понимания глубины и важности довлатовской тематики.

В русской литературной традиции особое место занимает разграничение понятий «быт» и «бытие». «Быт» обычно трактуется как повседневная жизнь, рутина, материальные условия, обычаи, в то время как «бытие» отсылает к существованию в его онтологическом, философском измерении. Ю.М. Лотман [27, с. 7] определял «быт» как «обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение». К.И. Чуковский,

анализируя творчество А.И. Куприна, характеризовал «быт» как сферу стереотипного, повторяющегося, что для Куприна могло становиться источником уюта и поэзии, особенно когда «событие» через многократное повторение («сороковой раз») превращалось в «обычай» [45]. Это традиционное противопоставление может либо подчеркивать пропасть между двумя мирами, либо указывать на возможность их синтеза.

Формалисты, в частности Б.М. Эйхенбаум [50] и Ю.Н. Тынянов [40], разработали концепцию «литературного быта», под которым понималась социальная, институциональная и даже текстуальная среда существования литературы: образ жизни писателей, функционирование литературных кружков и журналов, превращение нелитературных текстов (например, писем) в литературные факты. В то время как русская литература традиционно исследовала напряжение или разрыв между «бытом» и «бытием», часто представляя «бытие» как некую высшую, более осмысленную реальность, достигаемую через преодоление или отрицание «быта», поэтика Довлатова предлагает иное решение.

У Довлатова этот разрыв «часто иронически обыгрывается или стирается». Это означает, что экзистенциальные прозрения или их отсутствие обнаруживаются им не вне, а именно внутри самых прозаических, тривиальных и абсурдных проявлений «быта». Абсурдность повседневных ритуалов и ситуаций у Довлатова становится непосредственным выражением абсурдности «бытия» или тщетности его поисков.

Концепция «литературного быта» [40, с. 255-270; 50, с. 428-436], разработанная формалистами, также предоставляет ценный инструмент для анализа специфических профессиональных и социальных миров, которые Довлатов изображает с такой скрупулезностью. Среда советской журналистики «Компромисс», эмигрантской литературной жизни «Филиал», музейного дела «Заповедник» – все это конкретные формы «литературного быта» (в широком смысле, включая и журналистский) [22].

Повседневные практики, этические компромиссы, социальные ритуалы и присущий этим средам абсурд являются не просто фоном, а центральными объектами довлатовского исследования повседневности.

Таким образом, «литературный быт» становится одним из ключевых хронотопов в его художественном мире, где общая поэтика повседневности преломляется через специфическую призму литературной и журналистской культуры. Эволюция изображения повседневности в русской литературе XX века отмечена разнообразием подходов.

Критический реализм, продолжая традиции XIX века, акцентировал внимание на социальной природе явлений, что видно в творчестве А.П. Чехова и Л.Н. Толстого, но уже с «углубленным психологизмом». А.П. Чехов особенно выделялся умением вскрывать глубокие конфликты и драматизм в обыденной жизни («в процессе воссоздания быта»), используя лаконичный стиль и подтекст. Он изображал обывательщину и пошлость жизни. Л.Н. Толстой в своих произведениях, включая поздние, продолжал исследовать «диалектику души» и поиск смысла на фоне повседневной жизни и ее моральных вызовов. Т.Г. Струкова отмечает, что реализм зачастую скрупулезно анализировал повседневные реалии, представляя жизнь как «серую, нудную, недобрую, а то и жестокую к человеку» [37, с. 174].

Несомненно, в поэтике Довлатова прослеживается чеховская традиция. Его пристальное внимание к «мелочам жизни», мастерское изображение трагикомедии, коренящейся в обыденном существовании, и лаконичный, богатый подтекстом стиль указывают на значительное, хотя и творчески переосмысленное, наследие Чехова. Оба автора находят драму и смысл (или его отсутствие) в повседневности, используя иронию и недосказанность для передачи глубоких значений. Довлатов, таким образом, работает в русле литературной преемственности, идущей от Чехова, адаптируя реалистические приемы изображения повседневности к более позднему социокультурному контексту и, возможно, к более открытому абсурдистскому мироощущению.

Натурализм, представленный, например, повестью А.И. Куприна «Яма», стремился к предельному правдоподобию и детализации, зачастую неприглядных сторон жизни. Это течение часто подчеркивало социальный детерминизм и влияние среды. По словам Струковой [37, с. 174], натурализм, как и реализм, тщательно анализировал повседневные реалии, часто изображая жизнь жестокой. Литературная критика иногда упрекала натурализм в излишней детализации или сосредоточенности на «грязном». Хотя Довлатов, подобно натуралистам, не избегает изображения «неприглядных» или суровых аспектов жизни, что очевидно в «Зоне» или в описаниях алкоголизма и социальной деградации, он, как правило, воздерживается от открытой социальной критики, морализаторского тона или детерминистской философии, свойственных многим произведениям натурализма. Его внимание сосредоточено на человеческой комедии и индивидуальном проживании абсурда, а не на прямом обличении, нацеленном на общественные реформы, или иллюстрации тезисов о социальных пороках. Эта отстраненная, хотя и сочувственная, позиция наблюдателя отличает его от магистральной линии натурализма, даже при пересечении тематики.

Модернистские течения демонстрировали иное отношение к повседневности. Общими чертами модернизма были поиск новых художественных форм, изменение соотношения объективного и субъективного в изображении, повышенное внимание к подсознательным процессам. Модернистские направления часто проявляли сложное, иногда пренебрежительное или трансформирующее отношение к обыденной жизни.

Символизм часто воспринимал повседневность («быт») как «иллюзорную оболочку», за которой скрыта подлинная, мистическая сущность («бытие»), что порождало характерное «двоемирие». Даже обращаясь к городским темам, как, например, А. Блок, символисты делали это скорее в символическом, нежели в буквальном ключе, что можно расценить как «уход от реальности» [37, с. 174].

Акмеизм, возникший как реакция на символистскую туманность, провозгласил возврат к «ясности образа», «предметности слова» и вещному миру. Акмеисты часто эстетизировали чувства и земные переживания. Поэзия А. Ахматовой, например, известна своими конкретными, бытовыми деталями «вещный мир», глубоко связанными с личными переживаниями.

Футуризм характеризовался бунтарством, эпатажем, отрицанием культурных традиций, культом техники и индустриальных городов, а также смелыми экспериментами в области языка. Футуристы динамично взаимодействовали с современной жизнью, включая ее урбанистические и промышленные аспекты. Группа ЛЕФ, вышедшая из футуризма, пропагандировала «жизнестроение» и «литературу факта», стремясь стереть грань между искусством и реальностью и конструировать «новый быт». По замечанию Струковой [37, с. 175], романтизм, как предшественник некоторых модернистских настроений, рассматривал мещанскую жизнь иронически или сатирически, а модернисты в целом проявляли интерес к повседневности как к способу художественной реализации телесности и духовности, причем дадаисты и сюрреалисты находили творческие источники в обыденной культуре.

Проза Довлатова разделяет с акмеизмом пристальное внимание к конкретным, осязаемым деталям и «вещному миру». Однако если акмеисты часто поэтизировали или эстетизировали эти повседневные предметы, Довлатов обычно использует их для подчеркивания абсурда, дефицита, прозаичности существования или трагикомизма человеческой участи, часто с ироническим, а не чисто эстетизирующим эффектом. «Поэзия» у Довлатова возникает скорее из иронической подачи и человеческих историй, связанных с этими предметами, чем из их внутренней красоты или эстетической трансформации.

Таким образом, можно говорить о наследовании акмеистического внимания к «вещности», но переосмысленного в рамках более критического, абсурдистского и менее идеализированного взгляда на повседневность. И

Довлатов, и группа ЛЕФ (как наследники футуризма) ценили «факт» и активно использовали материал реальной жизни. Однако их мотивы и методологии существенно расходились. «Литература факта» ЛЕФа была идеологически ангажированным проектом, нацеленным на «жизнестроение» и продвижение «нового быта» через утилитарное, часто пропагандистское искусство. «Псевдодокументализм» Сергея Довлатова, хотя и основан на автобиографии, гораздо более личностен, ироничен и скептичен по отношению к грандиозным общественным нарративам или художественным проектам. Его использование «факта» служит не построению нового общества или продвижению идеологии, а исследованию личного опыта, нюансов человеческого абсурда, трагикомедии отдельных жизней, зажатых в различных системах, и самой ненадежности памяти и повествования. Это различие подчеркивает разные потенциалы «фактографической» литературы: один – открыто политический и предписывающий, другой – более экзистенциальный, наблюдательный и скептический.

Литературные группы 1920-х гг. предлагали свои, зачастую полярные, подходы к изображению новой, революционной повседневности. ЛЕФ, как уже отмечалось, пропагандировал «производственное искусство» и «литературу факта», отказываясь от вымысла в пользу очерка и репортажа, и был яростно настроен против мещанства. «Серапионовы братья» делали акцент на мастерстве сюжета, орнаментальной и бытовой прозе, декларируя отказ от идеологической «тенденциозности». М. Зощенко, видный «серапион», сосредоточился на «маленьком человеке», сохранении мещанства в послереволюционном обществе и абсурдностях нового советского быта, часто используя сказовую манеру. Пролеткульт выступал за создание особой пролетарской культуры, где литература изображала бы героический труд, революционное преобразование повседневности и становление «нового быта» рабочего класса. Имажинисты, включая С. Есенина и А. Мариенгофа, концентрировались на силе поэтического образа, их отношение к быту и урбанизму было сложным, порой отражая

богемное презрение к обыденности или стилизованное восприятие городской жизни. Конструктивисты, близкие к «производственному искусству», стремились активно формировать жизнь и предметную среду, способствуя созданию «нового быта» через рациональный дизайн и функциональную эстетику.

В целом, как отмечает Струкова [37, с. 175], 1920-е гг. характеризовались озабоченностью темой «быта». Разнообразные литературные группы 1920-х гг. демонстрируют широкий спектр художественных реакций на радикально новую «повседневность», порожденную революцией. Этот спектр простирался от попыток Пролеткульта и ЛЕФа активно конструировать и идеологизировать этот «новый быт» до более критических, сатирических и нюансированных изображений его внутренних абсурдностей и непреходящей природы человеческих слабостей «мещанства» у «Серапионовых братьев». С.Д. Довлатов в более позднюю эпоху наследует и развивает этот скептицизм по отношению к идеологически сконструированным реальностям и сохраняет фокус на индивидуальном опыте внутри системного абсурда, продолжая скорее сатирическую и наблюдательную традицию таких писателей, как Зощенко, нежели предписывающее искусство Пролеткульта или ЛЕФа.

В советской литературе до 60-х гг. доминировал социалистический реализм, который требовал «правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии». Повседневность в рамках этого метода героизировалась, акцент делался на трудовом энтузиазме, типичными героями становились положительные, целеустремленные революционеры, рабочие и крестьяне. Господствовала «теория бесконфликтности» или конфликта «хорошего с лучшим», а «натуралистический бытовизм» осуждался; повседневность должна была быть преображенной, идеализированной.

В эстетике соцреализма «героика» становилась «повседневной», а «повседневность» – «поэтической»; искусство должно было учить, «как надо

жить, показывать, какой должна быть жизнь» [37, с. 175]. Понятие «типического» было переосмыслено: типичным считалось не то, что наиболее распространено, а то, что «соответствует сущности данной социальной силы», то есть сущности социализма и его прогрессивного развития. Весь художественный подход Сергея Довлатова к изображению повседневности представляет собой фундаментальную антитезу канонам социалистического реализма. Он последовательно дегероизирует своих персонажей и их окружение; фокусирует внимание на конфликтах, которые часто абсурдны, обыденны или экзистенциальны, а не идеологически «правильны»; воспроизводит тот самый «бытовизм» (детальное, неприукрашенное изображение повседневной жизни), который осуждался официальной эстетикой; и изображает повседневность не как идеализированное движение к светлому будущему, а как часто статичную, пронизанную абсурдом и в своей основе трагикомичную реальность.

Его проза населена негероическими, часто ущербными и маргинализированными личностями. Конфликты, с которыми они сталкиваются, редко происходят между «хорошим и лучшим», а коренятся в бюрократическом идиотизме, личных недостатках, борьбе за элементарное достоинство или врожденной бессмысленности их ситуаций. Пристальное внимание к деталям «быта» – убожеству коммунальных квартир, цинизму редакций, мрачным реалиям трудового лагеря, особенностям эмигрантского существования – далеко от отполированной, оптимистической видимости, требуемой социалистическим реализмом. Персонажи Сергея Довлатова часто изображаются застрявшими, а жизнь представляется как череда повторяющихся, часто фрустрирующих или бессмысленных событий, а не как триумфальное шествие к predetermined будущему. Это делает его творчество сознательным или интуитивным подрывом и отрицанием норм социалистического реализма в отношении репрезентации повседневной жизни. Различные литературные направления начала XX века и раннесоветского периода демонстрируют полярное отношение к

повседневности – от модернистского отторжения до соцреалистической идеализации. Это формирует фон, на котором довлатовский «нейтрально-ироничный» подход, его отказ от осуждения или восхваления повседневности и принятие ее «такой, какая она есть», выглядит особенно новаторским. Понимание этих контрастных подходов необходимо для демонстрации уникальности довлатовской поэтики повседневности.

1.2 Культура повседневности в русской литературе 60-80-х гг. XX века

Данный подраздел конкретизирует общие тенденции развития темы повседневности в литературе, фокусируясь на периоде, который непосредственно предшествовал и частично совпадал с активным творчеством Довлатова, формируя его ближайший литературный контекст.

Период «оттепели», случившийся с середины 50-х до середины 60-х гг., принес значительные изменения в изображение повседневности. Смягчение цензуры способствовало повороту литературы к частной жизни человека. Стали возможны публикации произведений, затрагивающих ранее запретные темы, такие как сталинские репрессии и лагерный быт. Например, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына. В это время активно развивалась «молодежная проза» В. Аксенова, А. Гладилина и «исповедальная проза», для которых был характерен интерес к внутреннему миру молодого современника, его быту, моральным исканиям и повседневным проблемам. Романтическая поэзия Б. Окуджавы и Ю. Мориц стремилась поэтизировать «прекрасное в самой жизни и в человеке».

Модернистские влияния, как отмечает Струкова [37, с. 176], также способствовали интересу к повседневности как сфере реализации телесности и духовности. Литературная атмосфера «оттепели» с ее новообретенным разрешением исследовать личный опыт, частную жизнь и ранее запретные темы (включая лагерную) создала важную предпосылку для той откровенной,

автобиографически окрашенной прозы, которую позже Довлатов доведет до совершенства.

Однако Довлатов существенно отойдет от зачастую серьезных, трагических или осторожно-оптимистических тонов многих писателей «оттепели», наполнив свой интерес к личному иронией и более глубоким ощущением абсурда. Хотя «оттепель» ослабила идеологические тиски, позволив литературе обратиться к личным повествованиям и ранее цензурированным аспектам советской повседневности, и, тем самым, способствовала созданию климата, в котором индивидуальный опыт и «обыденное» могли изображаться с большей реалистичностью и психологической глубиной, чем во времена высокого сталинизма, творчество Сергея Довлатова, несомненно, основывается на этом расширении тематических и стилистических возможностей.

Его собственная лагерная повесть «Зона» затрагивает «оттепельную» тему, но делает это с собственной интонацией. Если литература «оттепели» часто несла в себе заряд моральной неотложности, трагизма, как у Солженицына, или юношеских поисков Аксенова, то С.Д. Довлатов берет фокус на «личное» и «повседневное», пропуская его через свою характерную призму отстраненной иронии и понимания абсурда, выходя за рамки доминирующих эмоциональных регистров «оттепели». «Деревенская проза» стала одним из ведущих направлений 60-80-х гг. Ее представители (Фёдор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин, а также Владимир Солоухин и Василий Шукшин) обращались к изображению традиционного крестьянского уклада, патриархальных ценностей, неразрывной связи человека с природой. В центре их произведений часто оказывались проблемы упадка деревни, конфликта города и деревни, сохранения национальной самобытности и экологии. Героями «деревенской прозы» становились старожилы, носители нравственных устоев, а также «чудики», не вписывающиеся в прагматичный мир. «Деревенская проза» часто несла в себе сильный моральный,

националистический или экологический посыл, иногда идеализируя сельскую жизнь или оплакивая ее разрушение.

Довлатов, будучи квинтэссенцией городского писателя, стоит особняком. Его персонажи редко укоренены в традиционных ценностях, а его авторский тон, как правило, отстраненный и ироничный, а не морализаторский, элегический или ищущий национально-духовные опоры. Основные места действия у Довлатова – городские или специфические, часто искусственные среды, такие как трудовой лагерь, литературный музей или эмигрантская встреча. Его протагонисты, как правило, вырванные из привычной среды интеллектуалы, журналисты, эмигранты или другие маргинализированные городские фигуры, а не крестьяне, воплощающие народную мудрость или борющиеся за судьбу земли. Всепроникающая ирония Довлатова и его сосредоточенность на абсурдности человеческих взаимоотношений резко контрастируют с зачастую серьезным, порой трагическим и нередко ностальгическим или критическим тоном значительной части «деревенской прозы».

Параллельно деревенской развивалась «городская проза», сфокусированная на жизни горожан, интеллигенции, их бытовых и нравственных проблемах в условиях урбанизации. Ключевыми темами здесь были «квартирный вопрос», обесценивание прежних ценностей, проблемы памяти, рефлексии и морального выбора в повседневных обстоятельствах. Поэтика «городской прозы» характеризовалась глубоким психологизмом, вниманием к «мелочам жизни», которые зачастую приобретали символическое значение, как, например, в произведениях Ю. Трифонова, где «поэтика повседневности» была центральной. К этому направлению относят также А. Битова, В. Маканина, Д. Гранина. С.Д. Довлатов разделяет с писателями «городской прозы», особенно с Юрием Трифоновым, живой интерес к повседневной жизни городской интеллигенции и значению «мелочей жизни».

Однако их художественные цели и тональные регистры расходятся. Если Трифонов часто использовал эти «мелочи» для исследования глубоких моральных и исторических течений, вскрывая сложные этические дилеммы и бремя прошлого в настоящем, то Довлатов склонен использовать схожие детали для выявления присущего абсурда, разрывов в коммуникации и трагикомической природы существования, часто с более легким, открыто юмористическим, хотя и серьезным базовым оттенком. Писатели «городской прозы», такие как Ю. Трифонов, скрупулезно изображали повседневную жизнь, моральные дилеммы и психологические сложности советской городской интеллигенции. Ю. Трифонов, в частности, известен своим исследованием «быта» и его морально-исторических следствий. С.Д. Довлатов также населяет свои повествования городскими интеллектуалами и фокусируется на их повседневных проблемах и взаимодействиях. В произведениях Ю. Трифопова «мелочи жизни» часто нагружаются глубоким символическим и моральным значением, связывая личные жизни с более широкими историческими процессами, вопросами вины и сложными этическими выборами. «Мелочи» у Довлатова столь же значимы, но чаще служат для подчеркивания абсурда, нарушения логики и коммуникации, а также присущей человеческому существованию трагикомедии. Хотя психологическое исследование присутствует у Довлатова, оно часто переплетается с всепроникающим ощущением абсурда, тогда как психологизм Трифопова более традиционно реалистичен, хотя и богат подтекстом.

Литература периода «застоя» (70-е – начало 80-х гг.) развивалась в условиях усиления идеологического контроля и цензуры. Это привело к широкому распространению «эзопова языка» – системы намеков и иносказаний, позволявшей критиковать действительность через бытовые зарисовки и детали. Читательское «вычитывание между строк» стало характерной чертой эпохи. В литературе этого периода часто поднимались темы эскапизма, внутреннего отчуждения, двойной морали. Официальная

литература во многом продолжала традиции соцреализма, но нередко с элементами формализма или обращения к «безопасным» историческим темам. Развивалась также «тихая лирика» и философская поэзия, сосредоточенная на вневременных вопросах бытия. Хотя Довлатов использовал иронию и подтекст, его зрелый стиль, особенно в прозе, опубликованной за границей, характеризуется поразительной прямоотой, ясностью и почти обманчивой «простотой». Это контрастирует с изощренным, часто запутанным «эзоповым языком», распространенным в большей части официально публикуемой советской литературы эпохи «застоя», который был предназначен для обхода цензуры.

«Правда» Довлатова, какой бы неудобной или абсурдной она ни была, обычно излагается прямо, хотя часто с комическим или трагикомическим оттенком. Литература периода «застоя» часто прибегала к «эзопову языку» – косвенным, аллегорическим или намекающим способам выражения – для передачи критических сообщений, избегая при этом цензуры.

Проза Довлатова известна своей ясностью, лаконичностью и прямоотой. Хотя ирония является фундаментальным инструментом Довлатова, это, как правило, не тот вид изощренной, закодированной аллегории, характерный для «эзопова языка», нацеленного на обман цензоров. Его ирония – это скорее философская позиция, способ восприятия и изображения врожденного абсурда мира. Эта культивируемая прямоота, особенно заметная в его эмигрантских публикациях, где цензура не была прямым ограничением, знаменует собой значительный отход от вынужденной косвенности большей части современной ему советской литературы.

В этот же период начинают формироваться и развиваться черты русского постмодернизма. Ранние его проявления связаны с именами Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки», Саши Соколова «Школа для дураков», Андрея Битова «Пушкинский дом». Творчество Довлатова также иногда рассматривается в этом контексте. Для постмодернизма характерны игровое начало, интертекстуальность, ирония и самоирония, пародирование,

деконструкция устоявшихся мифов и идеологий, смешение стилей, стирание границ между «высоким» и «низким», особое внимание к языку как самоценности. Отношение к повседневности в постмодернизме часто игровое, абсурдистское, деконструирующее привычные смыслы; повседневность может предстать как набор симулякров или материал для художественной игры. Струкова [37, с. 176] отмечает, что постмодернизм эстетизирует обыденную жизнь с точки зрения выражения творческого начала художника.

Сергей Довлатов демонстрирует несколько черт, сближающих его с ранним русским постмодернизмом, таких как всепроникающая ирония, игровое смешение автобиографии и вымысла – псевдодокументализм, острая чувствительность к языку и деконструкция советских мифов через изображение повседневного абсурда. Однако он, как правило, сохраняет более доступный повествовательный стиль, более ясный авторский голос и более прочную связь с гуманистическими традициями и читательским сопереживанием, чем некоторые из более радикально экспериментальных постмодернистов. Русский постмодернизм характеризуется такими чертами, как ирония, интертекстуальность, деконструкция, а также игровое или абсурдистское взаимодействие с реальностью и повседневной жизнью. Так, С.Д. Довлатова можно рассматривать как значительную переходную фигуру к постмодернизму. Литература 60-80-х гг. демонстрирует не только многообразие подходов к повседневности, но и внутреннюю полемику между ними. Например, «деревенская» и «городская» проза часто противопоставлялись по системе ценностей и изображаемому быту. Довлатов, стоя особняком, не примыкает ни к одному из этих «лагерей». Описывая и городскую, и специфическую «заповедную» или «лагерную» повседневность, он не идеализирует и не демонизирует ее, а скорее фиксирует ее абсурдность.

Его позиция отстраненного, ироничного наблюдателя выделяет его на фоне более «ангажированных» направлений. Несмотря на усиление цензуры

в период «застоя», литература находила способы говорить о насущных проблемах повседневности, в том числе через фокус на частной жизни, что подготовило почву для более откровенного разговора о повседневности в позднесоветский период и в творчестве Довлатова. Его творчество можно рассматривать как своеобразное развитие интереса к повседневности, проявившегося в литературе 60-70-х гг., но выраженное с большей прямоотой и специфической иронией.

Выводы по главе 1

Понятие «культура повседневности» представляет собой сложный, многоуровневый конструкт, охватывающий как материальные, так и духовные аспекты человеческой жизни. Его изучение в гуманитарных науках эволюционировало от простого бытописания к глубокому анализу структур и индивидуального опыта [31; 48]. Русская литература XX века продемонстрировала широкий спектр подходов к художественному воплощению повседневности: от реалистического анализа [37, с. 174] и модернистского отчуждения [37, с. 174] до соцреалистической героизации [37, с. 175], критического осмысления в период «оттепели» и «застоя», и игрового переосмысления в рамках постмодернизма [37, с. 176]. Литературный контекст 60-80-х гг. XX в. был особенно насыщенным и разнообразным в плане изображения повседневности, что проявилось в таких направлениях, как «деревенская», «городская», «исповедальная» проза, использование «эзопова языка» и зарождение русского постмодернизма. Этот многогранный фон создает необходимую базу для понимания своеобразия творчества Сергея Довлатова и его уникального вклада в поэтику повседневности. Понимание теоретических основ и литературного контекста позволит в следующей главе перейти к целенаправленному анализу того, как именно Сергей Довлатов вписывается в этот контекст, отталкивается от него или полемизирует с ним, создавая свою уникальную поэтику повседневности.

Глава 2. Культура повседневности в произведениях Сергея Довлатова («Филиал», «Иностранка», «Зона», «Заповедник», «Чемодан»)

Первая глава настоящей работы была посвящена теоретическим аспектам изучения культуры повседневности и обзору основных тенденций ее отражения в русской литературе XX века. Рассмотрено, как на протяжении XX века менялось отношение к «обыденному», как происходила его «реабилитация» в качестве объекта художественного осмысления, и как такие категории, как «быт» и «бытие», «частная жизнь», формировали различные подходы к изображению повседневности. Литературный процесс 60-80-х гг., отмеченный влиянием «оттепели» и последующего «застоя», также внес свои коррективы в эту картину, породив многообразие художественных стратегий – от «деревенской» и «городской» прозы до зарождающегося постмодернизма. В этом сложном и многогранном контексте творчество Сергея Довлатова занимает особое место. Его интерес к «маленькому человеку», пристальное внимание к абсурдным и трагикомичным деталям быта, которые под его пером обретают экзистенциальное звучание, делают его прозу исключительно актуальной для исследования через призму культуры повседневности. Настоящая глава переходит от общего литературного контекста к конкретному анализу произведений С. Довлатова, избранных для исследования: повестей «Филиал», «Иностранка», «Зона», «Заповедник» и сборника рассказов «Чемодан». Данный выбор обусловлен их репрезентативностью для освещения различных граней довлатовской поэтики повседневности, охватывающей как советский, так и лагерный и эмигрантский периоды его жизни и творчества.

Как уже было замечено, в прозе Довлатова повседневность выступает не просто фоном для разворачивающихся событий, но становится активной, смыслообразующей средой и центральным объектом художественного исследования, влияющим на формирование характеров, сюжетов и авторской концепции мира.

В данной главе будут последовательно рассмотрены два ключевых аспекта.

Во-первых, будет проанализировано влияние различных модусов культуры повседневности на формирование личности и творческой манеры самого писателя, с акцентом на его автобиографизм, «псевдодокументализм» и специфику авторской позиции.

Во-вторых, будет проведен анализ художественных средств и приемов, используемых С.Д. Довлатовым для отражения культуры повседневности 60-80-х гг. XX века в указанных произведениях, включая специфику изображения советского и эмигрантского быта, роль детали, хронотопа, языка, а также сквозные поэтические принципы и динамику их развития.

2.1. Влияние культуры повседневности на личность и творчество Сергея Довлатова

Личный опыт Сергея Донатовича Довлатова, погруженного в разнообразные и зачастую экстремальные социокультурные повседневные контексты, оказал решающее влияние на формирование его как уникальной личности и самобытного писателя. Этот опыт, преломленный через призму его художественного видения, лег в основу его неповторимой творческой манеры, где автобиографическая достоверность сочетается с универсальностью экзистенциальных обобщений.

Одной из наиболее узнаваемых черт прозы Сергея Довлатова является ее глубокая автобиографическая основа. Герой-рассказчик в его произведениях часто носит имя автора – Сергей Довлатов, Борис Алиханов, Далматов – или его вариации и наделен несомненными чертами самого писателя, как внешними, так и биографическими. Реальные события и детали жизни Довлатова – служба в армии и охране лагерей особого режима в республике Коми, работа журналистом в советских газетах, жизнь в Ленинграде, опыт экскурсовода в Пушкинском заповеднике, эмиграция и последующая работа на радио «Свобода» в Нью-Йорке – трансформируются

в его текстах, становясь материалом для художественного осмысления. Однако прямой перенос биографических фактов в литературу не являлся самоцелью для С.Д. Довлатова. Его метод точнее всего определяется как «псевдодокументализм» – прием, при котором создается иллюзия документальной точности и достоверности повествования, но автор оставляет за собой полное право на художественный вымысел, отбор материала и обобщение. Сам Сергей Довлатов неоднократно подчеркивал эту особенность своей прозы, признаваясь: «Во всяком случае, правды и документальной точности в моих рассказах гораздо меньше, чем кажется. Я очень многое выдумал» [38]. Это сознательное стирание граней между фактом и вымыслом, между пережитым и сконструированным, является не просто литературной игрой, а ключевым аспектом его поэтики повседневности. Довлатовский «псевдодокументализм» оказывается не просто техническим приемом, а продуманным способом художественного осмысления самой природы повседневности. Повседневная жизнь, как ее видит и изображает писатель, представлена как пространство, где объективная реальность преломляется через субъективное восприятие, избирательную память и индивидуальное сознание, склонное к интерпретациям и «домысливанию». Довлатов часто акцентирует внимание на ненадежности памяти и относительности любого рассказа о прошлом. Его герои, включая автобиографического повествователя, существуют в мире, где абсурд повседневных ситуаций делает «объективную» фиксацию событий почти невозможной или, по крайней мере, лишенной окончательного смысла.

В таких условиях «псевдодокументализм» становится наиболее удобным художественным языком, позволяющим изобразить ту реальность, в которой граница между действительным и воображаемым размыта самой жизнью. Это не столько попытка обмануть читателя, сколько приглашение к со-переживанию и со-осмыслению мира, где концепция «правды» многослойна, трудноуловима и опосредована личным опытом. Таким образом, использование автобиографического материала и

«псевдодокументальной» манеры позволяет Довлатову исследовать повседневность «изнутри», придавая своему повествованию одновременно и подкупающую достоверность, и необходимую степень художественного обобщения, выводя частные истории на уровень универсальных человеческих драм и комедий. Как отмечает Андрей Арьев [3, с. 7], один из наиболее проницательных исследователей и друзей писателя, для Довлатова «жизнь нелепа и в то же время удивительна!», и единственным спасением в этом абсурдном мире становятся юмор и творчество. Юмор, по мысли Александра Гениса, для Довлатова был не просто развлечением, а «глубоким инструментом познания жизни» [19, с. 14].

Находя смешное в явлении, писатель добивался его полного самораскрытия. Довлатов был особенно чуток к абсурдности «мертвого, клишированного языка», к тому, как люди превращаются в «говорящие машины», изрекающие бессмысленные фразы, где значение речи становится ритуальным. На фоне этого всепроникающего абсурда Довлатов постоянно апеллирует к концепции «нормы». Его произведения пронизаны поиском «нормального» человека и «нормальной» жизни, стремлением к некоему здравому смыслу и этическому порядку. Однако эта «норма» в довлатовском мире чаще всего оказывается недостижимым идеалом, своего рода «панической любовью к порядку» при остром осознании хрупкости любой рационально организованной жизни [38, с. 112]. Показательно в этом смысле его знаменитое определение: «Порядочный человек – это тот, кто делает гадости без удовольствия» [22, т. 3, с. 121] – ироничное осмысление «нормы» в искаженном, перевернутом мире.

Довлатовская концепция «нормы» утверждается весьма парадоксальным образом – через последовательную и всестороннюю демонстрацию ее тотального отсутствия, искажения или невозможности в окружающей героев повседневности. «Норма» – это не столько реально существующее положение вещей, сколько некий этический камертон, точка отсчета, позволяющая измерить глубину и всеохватность царящего абсурда.

Персонажи и ситуации в его произведениях постоянно и демонстративно отклоняются от того, что интуитивно воспринимается как «нормальное». Однако само повествование, его ясный, лаконичный стиль, нескрываемое стремление рассказчика к честности и осмысленности создают ощущение этой самой «нормы» как некоего фона, на котором абсурдность происходящего становится особенно рельефной и очевидной.

Таким образом, «норма» у Довлатова не столько описывается или декларируется, сколько подразумевается, ощущается через постоянный контраст с ненормальностью. Это делает его критику повседневности не обличительной или дидактической, а скорее констатирующей, окрашенной неизменной грустной иронией и глубоким сочувствием к человеку, затерянному в этом абсурдном мире.

2.2. Отражение культуры повседневности 60-80-х гг. XX века в прозе Сергея Довлатова

Данный параграф посвящен непосредственному анализу избранных произведений Сергея Довлатова – «Зона», «Заповедник», «Чемодан», «Иностранка», «Филиал» – с точки зрения репрезентации в них различных аспектов культуры повседневности советского и эмигрантского периодов, а также специфических художественных средств и приемов, используемых писателем для создания своего уникального художественного мира.

Повесть «Зона. Записки надзирателя» занимает особое место в творчестве Довлатова, представляя собой художественное осмысление его опыта службы в охране исправительно-трудовых лагерей. Лагерная повседневность предстает здесь как концентрированное выражение абсурда не только советской системы, но и, в более широком смысле, человеческого существования. Как отмечает А. Генис [17, с. 45], Довлатов, в отличие от Солженицына, видевшего в лагере ад, приходит к выводу, что «ад – это мы

сами». «Зона» для него – это своего рода «сокращение жизни», модель, в которой обнажаются ее фундаментальные закономерности [17, с. 46].

Ключевыми характеристиками лагерной повседневности в повести становятся мотивы замкнутого пространства и повторяемости. Замкнутость пространства – «зона» – подчеркивается как физическими границами (запретка, вышки, бараки), так и психологической изоляцией. Повторяемость ритуалов, событий, ежедневных рутинных действий (построения, проверки, разводы караулов, однообразная работа) создает ощущение статичности, цикличности и глухой безысходности лагерного быта. Эта повторяемость, по наблюдению А.Н. Анисимовой и Ю.И. Ефремовой [2, с. 4210], проявляется на разных уровнях текста – от идейного до сюжетно-композиционного и образного.

В этом мире рутины особую роль начинает играть «философия случая». Случайные события, неожиданные встречи, непредсказуемые повороты судьбы постоянно вторгаются в размеренный, казалось бы, ход лагерной жизни, кардинально меняя участь героев и отрицая всякую предопределенность.

Лагерь, таким образом, предстает не только как место заключения, но и как пространство тотальной неопределенности и непредсказуемости, где человеческая жизнь оказывается во власти иррациональных сил. Одним из центральных тезисов повести становится идея схождения и взаимозаменяемости заключенных и охранников. Сергей Довлатов последовательно разрушает стереотипное противопоставление «каторжник-страдалец – охранник-злодей». Он пишет: «По обе стороны запретки расстился единый и бездушный мир. Мы говорили на одном приклатненном языке. Распевали одинаковые сентиментальные песни. Претерпевали одни и те же лишения <...> Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы. Почти любой заключенный годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы» [22, т. 1, с. 14].

Это стирание границ между «палачами» и «жертвами» отражает универсальность абсурда, его способность нивелировать социальные роли и человеческие различия. Для создания атмосферы лагерной повседневности Довлатов использует целый арсенал художественных средств. Важнейшую роль играет деталь: метко подмеченные подробности быта, внешности, поведения персонажей создают эффект достоверности и одновременно несут символическую нагрузку.

Например, повторяющееся замечание о том, что «все больничные медсестры казались хорошенькими» [22, т. 1, с. 54] подчеркивает ограниченность и специфику восприятия в замкнутом мужском коллективе. Специфический язык «Зоны» – активное использование блатной лексики, армейского жаргона, а также комически искаженных слов в описании постановки революционной пьесы заключенными, например, «контра везде. Меншевики, эсеры, буржуазные лазутчики» [22, т. 1, с. 92], «обезглавить буржуазную кобру» [22, т. 1, с. 93] – также способствует созданию атмосферы и передаче абсурдности. Ирония пронизывает все повествование, а психологическое состояние героя-рассказчика, Бориса Алиханова, характеризуется раздвоением сознания, которое становится своеобразным защитным механизмом, позволяющим выжить в нечеловеческих условиях: «У меня началось раздвоение личности. Жизнь превратилась в сюжет. <...> Мое сознание вышло из привычной оболочки. Я начал думать о себе в третьем лице» [22, т. 1, с. 45].

В «Зоне» Сергей Довлатов использует повседневность лагеря не столько для прямого социального обличения, сколько для экзистенциального исследования. Замкнутость и повторяемость лагерного быта становятся в повести метафорой общей абсурдности и, в какой-то мере, предзаданности человеческой жизни, где «случай» играет роль непредсказуемого, но не всегда освобождающего фактора. Лагерь у С.Д. Довлатова – это модель мира, где повседневные ритуалы, специфический язык, сложные взаимоотношения

между заключенными и охранниками являются элементами грандиозного театра абсурда.

В повести «Заповедник» С.Д. Довлатов обращается к иному срезу советской повседневности – быту и нравам в мемориальном музее-заповеднике А.С. Пушкина в Михайловском. Это произведение становится площадкой для исследования не только конфликта творческой личности, писателя Бориса Алиханова, с окружающей его рутинной, но и для деконструкции официального, канонизированного «пушкинского мифа».

Повседневная жизнь Алиханова в качестве экскурсовода, его взаимоотношения с колоритными коллегами, местными жителями, приезжими туристами и, конечно, с женой, на фоне которых разворачивается его личная драма, составляют сюжетную основу повести. Центральным аспектом «Заповедника» является, по выражению Г.А. Доброзраковой [20, с. 15], его «мифоборческий пафос». Сергей Довлатов сознательно снижает и «очеловечивает» хрестоматийный образ Пушкина, представляя его и его окружение в обыденном, порой даже анекдотическом ключе, пародируя тем самым забронзовевший, безжизненный официальный культ поэта.

Повседневные заботы, пьянство, мелкие интриги и абсурдные ситуации, наполняющие жизнь обитателей «заповедника», вступают в резкий контраст с возвышенным и стерильным мифом о «солнце русской поэзии». Особую роль в повести играет хронотоп «заповедника». Это пространство, законсервированное, призванное хранить память о прошлом, на деле живет своей собственной, зачастую малопривлекательной и абсурдной современной жизнью. Герой Алиханов остро ощущает эту двойственность, фальшь и удушающую атмосферу, что находит выражение в его отчаянных строках, адресованных жене: «Здесь без тебя – уныние и скука, Брожу по заповеднику, как ****» [22, т. 2, с. 211]. Так, после отъезда жены, в момент глубокого отчаяния Алиханова, эта деталь становится почти жестом, развернутой метафорой: «Под намокшей курткой билась измученная сирая душа» [22, т. 2, с. 245].

Диалоги с персонажами, особенно с Михал Ивановичем, колоритным местным жителем, полные народного юмора и житейской мудрости, контрастируют с риторикой музейных работников и обнажают подлинную, непарадную жизнь «пушкинских мест». «Заповедник» наглядно демонстрирует, как повседневность, с ее грубой материальностью и абсурдной логикой, способна «переваривать» даже самые сакральные культурные мифы. Сергей Довлатов показывает, что попытка искусственно законсервировать «высокую культуру», изолировать ее от живой, пусть и не всегда привлекательной, повседневности, неизбежно приводит к созданию симулякра, мертворожденной конструкции, где подлинность подменяется ритуалом, а живое чувство заученной фразой экскурсовода.

Повседневная жизнь сотрудников заповедника – их пьянство, бытовые неурядицы, карьерные амбиции, сплетни – вступает в диссонанс с культом Пушкина, который они призваны оберегать и пропагандировать. Экскурсии, проводимые Алихановым и его коллегами, часто превращаются в формальное, искаженное или откровенно пародийное воспроизведение заученных текстов и навязанных трактовок. Герой, будучи сам писателем, остро чувствует эту фальшь, эту пропасть между живым гением Пушкина и его музейным двойником. Таким образом, повседневность в «Заповеднике» выступает не просто фоном для личной драмы героя, но и активной, разоблачающей силой, которая вскрывает пустоту официального мифотворчества и ставит под сомнение саму возможность сохранения «чистого искусства» в мире, где доминируют быт, абсурд и человеческие слабости.

Сборник рассказов «Чемодан» представляет собой явление, где вещный мир становится не просто фоном, а центральным элементом поэтики, отражающим и символизирующим советскую повседневность 70-х гг. Сюжетной рамкой служит единственный чемодан, который рассказчик увозит с собой в эмиграцию. Каждая вещь, извлеченная из этого чемодана, – «креповые финские носки», «приличный двубортный костюм», «шоферские

перчатки», «офицерский ремень» и другие – становится поводом для отдельного рассказа, воскрешающего эпизоды из прошлого и раскрывающего абсурдность, дефицит, специфические социальные практики и моральные дилеммы той эпохи. Вещи в «Чемодане» наделены глубокой семантикой. Они выступают как маркеры социального статуса, дефицитной экономики и идеологического дискурса эпохи, особенно в оппозиции «советское – иностранное».

Каждая вещь выполняет сюжетобразующую функцию, связывая воедино прошлое и настоящее, личную историю героя и историю страны из которой он уехал. Чемодан становится своего рода «багажом» воспоминаний о советском прошлом, вызывая у рассказчика сложную гамму чувств, включая и «вещную ностальгию». Автор реконструирует атмосферу эпохи, ее запахи, звуки, бытовые детали. Фраза из предисловия: «На дне – Карл Маркс. На крышке – Бродский. А между ними – пропащая, бесценная, единственная жизнь» [22, т. 3, с. 7] – становится квинтэссенцией авторского замысла. «Чемодан» организован так, что отдельные рассказы, объединенные фигурой героя-рассказчика и общей темой «что я нажил», образуют единое повествовательное целое. Ирония и абсурд пронизывают каждый рассказ. Довлатов с юмором описывает отчаянные попытки достать дефицитные товары, нелепые ситуации, связанные с вещами, и парадоксы советской жизни. Например, история с финскими креповыми носками, которые герой безуспешно пытается реализовать, а они, кажется, «еще и умножились» в его квартире [22, т. 3, с. 18], становится символом тщетности усилий и критики плановой экономики.

В «Чемодане» банальные предметы советской повседневности превращаются в своего рода «артефакты», каждый из которых несет в себе не только отпечаток личной судьбы рассказчика, но и концентрированный срез целой эпохи. Вещи здесь – это не просто материальные объекты, а символы советской системы, где обладание или отсутствие той или иной «тряпки» могло определять социальный статус, влиять на отношения между людьми и

даже на их судьбы. «Чемодан» – это не просто сборник новелл, а своего рода каталог советской повседневности, увиденной через призму личного опыта и материальной культуры.

Эмиграция открыла новую страницу в жизни и творчестве Сергея Довлатова, предоставив новый материал для его художественных исследований повседневности. Реалии американской жизни, быт русской диаспоры, проблемы адаптации и ностальгия становятся центральными темами его «эмигрантских» произведений.

Повесть «Иностранка» посвящена изображению повседневной жизни русских эмигрантов третьей волны в Нью-Йорке, в частности, их анклава в Квинсе. В центре повествования – судьба Маруси Татарович и ее окружения. Довлатов с присущей ему иронией и сочувствием описывает трагикомедию адаптации своих героев к новым условиям, их попытки сохранить русскую идентичность и неизбежное столкновение с американской культурой и образом жизни. Основным композиционным приемом повести становится антитеза, создающая эффект «двоемирия» [12, с. 529; 35, с. 224]. Жизнь «там», в Советском Союзе, постоянно сопоставляется с жизнью «здесь», в Америке.

Противопоставление проявляется на всех уровнях: от бытовых привычек и профессий до системы ценностей и мироощущения. Хрестоматийной стала фраза, отражающая этот разрыв: «Дома не было свободы, зато имелись читатели. Здесь свободы хватало, но читатели отсутствовали» [22, т. 3, с. 201]. Герои постоянно сравнивают свое прошлое с настоящим, и это сравнение далеко не всегда оказывается в пользу новой родины.

Абсурд эмигрантского быта – одна из ключевых тем «Иностранки». Довлатов создает целую галерею колоритных, часто шаржированных, портретов русских эмигрантов. Их попытки «начать все сначала» и обрести счастье на американской земле часто приводят к новым формам абсурда, недоразумениям и разочарованиям. Ощущение ненужности, потерянности,

крушение реальности, «иллюзия – самый ходкий товар в Америке» [22, т. 3, с. 256] становятся постоянными спутниками многих персонажей.

Для передачи специфики эмигрантской повседневности Довлатов использует разнообразные художественные средства. Важную роль играет прием парцелляции, который помогает передать эмоциональное состояние героев, динамику событий, а также подчеркнуть фрагментарность и неустроенность их жизни [10, с. 532].

Яркие, живые диалоги, насыщенные специфической лексикой и интонациями эмигрантской речи, придают повествованию достоверность и комический эффект. Посвящение повести – «Одиноким русским женщинам в Америке – с любовью, грустью и надеждой» [22, т. 3, с. 199] – задает общую тональность произведения, в которой ирония сочетается с глубоким сочувствием. В «Иностранке» Сергей Довлатов с присущим ему юмором показывает, что смена географического и политического контекста отнюдь не избавляет человека от абсурда повседневности, а лишь видоизменяет его внешние проявления. Эмигрантская повседневность оказывается таким же плодотворным полем для трагикомических ситуаций, поиска идентичности и экзистенциальных переживаний, как и советская действительность, что наглядно демонстрирует универсальность довлатовского взгляда на природу человеческого существования.

Герои «Иностранки», пытаясь адаптироваться к американской жизни, постоянно соотносят ее со своим прошлым советским опытом. Их новая повседневность наполнена такими специфическими вызовами как культурный шок, языковой барьер, необходимость начинать карьеру с нуля, так и вечными человеческими проблемами. «Двоемирие» – это не просто механическое сопоставление двух стран или двух систем, а точное отражение внутреннего состояния эмигранта, вынужденного существовать одновременно в двух реальностях: физически – в настоящем, а ментально и эмоционально – во многом, еще и в прошлом. Абсурд в повести возникает именно на стыке этих реальностей, в комичных и одновременно печальных

попытках применить старые модели поведения к новым, незнакомым условиям, или в горьком разочаровании от несбывшихся надежд и разрушенных иллюзий.

Повесть «Филиал» погружает читателя в повседневность эмигрантской интеллектуальной и журналистской среды Нью-Йорка, центром которой становится радиостанция «Третья волна», явный прототип – «Радио Свобода», где работал сам автор. Главный герой, журналист Далматов, отправляется на симпозиум в Лос-Анджелес, где неожиданно встречает свою первую любовь – Тасю, что становится катализатором для воспоминаний о советской юности и переосмысления прошлого и настоящего. Ирония и абсурд остаются ключевыми инструментами Довлатова и в этом произведении. Он изображает нравы эмигрантской «тусовки»: мелкие амбиции, профессиональную ревность, идеологические споры, перерастающие в личные счеты, и общую атмосферу некоторой искусственности и оторванности от реальности.

Некоторые критики отмечали, что американская действительность, особенно в преломлении через быт советских эмигрантов, могла показаться Довлатову мелкой по сравнению с масштабами советского абсурда [17, с. 230]. Но «Филиал» не просто сатира на эмигрантские нравы. Важнейшую роль в повести играет тема памяти и любви. Повседневные рабочие моменты, бытовые неурядицы и комичные эпизоды из жизни эмигрантской интеллигенции постоянно переплетаются с лирической линией воспоминаний Далматова о его бурном романе с Тасей. Эта встреча заставляет героя заново пережить прошлое, попытаться разобраться в своих чувствах и в том, как прожитые годы и эмиграция изменили его и ее.

Самоирония Далматова достигает здесь особого накала, когда он рефлексировал о собственных ошибках и слабостях: «Я проклинал и ненавидел только одного себя. Все несчастья я переживал как расплату за собственные грехи. Любая обида воспринималась как результат моего собственного прегрешения» [22, т. 4, с. 112].

Язык и стиль повести сохраняют все характерные черты довлатовской прозы: лаконизм, точность формулировок, мастерски построенные диалоги, насыщенные живой разговорной интонацией, и тонкие, ироничные авторские комментарии.

«Филиал» демонстрирует, как повседневность профессиональной среды в эмиграции, несмотря на кажущуюся творческую свободу и интеллектуальную насыщенность, становится ареной не только для карьерных устремлений и идеологических баталий, но и для глубоко личных, экзистенциальных переживаний. Довлатов исследует, как рутина работы, специфический климат эмигрантского сообщества и человеческие взаимоотношения влияют на память, любовь и самооценку героя, вынужденного постоянно соотносить свое прошлое «я» с его настоящим состоянием.

Герой «Филиала» погружен в повседневную жизнь радиостанции, которая, несмотря на декларируемую «свободу», полна своих внутренних нелепостей, интриг и конфликтов. Эта внешняя, профессиональная, повседневность постоянно пересекается с внутренней, интимной – потоком воспоминаний о прошлой любви к Тасе.

Ирония Довлатова здесь направлена не только на окружающих персонажей, но и, в значительной степени, на самого себя, на свои иллюзии и слабости. Это подчеркивает сложность и неоднозначность эмигрантского опыта, где даже «творческая» работа и интеллектуальная среда не спасают от общей жизненной неустроенности, рефлексии о прошлом и чувства вины.

Как отмечают некоторые исследователи, Довлатов, возможно, так и не смог до конца адаптироваться к американской культуре повседневности, его душа во многом оставалась, связана с Ленинградом и советским прошлым [3; 19].

Выводы по главе 2

Проведенный анализ ключевых произведений Сергея Довлатова – «Зона», «Заповедник», «Чемодан», «Иностранка» и «Филиал» – позволяет сделать ряд обобщающих выводов относительно специфики поэтики культуры повседневности в его творчестве. Центральным объектом художественного исследования для С.Д. Довлатова становится именно повседневная жизнь человека во всем ее многообразии, противоречивости и абсурдности.

Писатель последовательно фокусируется на «маленьком человеке», его частных проблемах, бытовых неурядицах и экзистенциальных переживаниях, которые под его пером обретают универсальное звучание. Ключевыми характеристиками довлатовской поэтики повседневности являются:

- Автобиографизм и «псевдодокументализм». Личный опыт писателя, трансформированный художественным вымыслом, создает эффект достоверности и одновременно позволяет выйти на уровень широких обобщений. Герой-рассказчик, часто носящий имя автора, становится проводником по абсурдному миру повседневности.

- Ирония и абсурд. Эти категории являются не просто стилистическими приемами, а фундаментальными чертами мировоззрения Довлатова и основными инструментами художественного осмысления действительности. Ирония, часто переходящая в самоиронию, и последовательная фиксация абсурда позволяют писателю вскрывать несоответствия, алогизмы и трагикомизм человеческого существования. Метко подмеченная деталь, часто превращающаяся в «жест», и пристальное внимание к предметам быта играют важнейшую роль в создании образа эпохи, характеристике персонажей и передаче скрытых смыслов. Мотивы замкнутого пространства и повторяемости событий подчеркивают рутинность, ограниченность и порой безысходность повседневного существования героев, превращая повседневность в своего рода экзистенциальный лабиринт. Языковые особенности в творчестве Сергея Донатовича – это главным образом

лаконизм, точность формулировок, мастерство диалога, активное использование разговорного стиля, эти приемы создают неповторимый довлатовский стиль, идеально приспособленный для изображения трагикомедии обыденной жизни.

Проведенный анализ подтверждает тезисы, выдвинутые во введении к выпускной работе и в первой главе, о том, что повседневность в прозе Довлатова является не пассивным фоном, а активной, смыслообразующей средой. Его творчество занимает особое место в контексте русской литературы XX века, рассмотренном в первой главе. Довлатов, с одной стороны, наследует традиции русской классики в изображении «маленького человека». С другой стороны, его поэтика повседневности резко контрастирует с героизацией быта в социалистическом реализме или с идеализацией патриархального уклада в «деревенской прозе».

Его отстраненно-ироничный взгляд и фиксация абсурда сближают его с некоторыми тенденциями постмодернизма, хотя Довлатов всегда сохраняет гуманистическую основу и доступность для широкого читателя. Анализ произведений Довлатова, представляющих как советский, так и эмигрантский периоды его творчества, выявил динамику в изображении повседневности. Если в «советских» текстах абсурд часто имеет конкретные социально-политические корни, то в «эмигрантских» он приобретает более универсальные, экзистенциальные черты, связанные с проблемами адаптации, ностальгии и поиска идентичности. Однако неизменным остается авторский взгляд, сочетающий иронию, сочувствие и глубинное понимание трагикомической природы человеческого бытия.

Таким образом, данная глава, посвященная анализу поэтики повседневности в прозе Сергея Довлатова, вносит существенный вклад в достижение общей цели выпускной квалификационной работы – комплексного исследования этого феномена в творчестве одного из очень важных и самобытных отечественных писателей второй половины XX века.

Заключение

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена комплексному исследованию поэтики культуры повседневности в творчестве Сергея Довлатова, одного из наиболее значительных и самобытных русских писателей второй половины XX века. В фокусе анализа находились ключевые произведения различных периодов его творчества: повести «Зона», «Заповедник», «Иностранка», «Филиал» и сборник рассказов «Чемодан». Выбор именно этих произведений обусловлен их репрезентативностью для освещения различных модусов повседневности – советской, лагерной, эмигрантской. Такой подход позволил выявить как константные черты поэтики Довлатова, так и проследить ее внутреннюю динамику, что является важным аспектом для понимания целостности его художественного мира.

Целью работы стал комплексный анализ поэтики культуры повседневности в указанных произведениях, выявление ее ключевых характеристик, художественных функций, способов репрезентации и динамики развития. Для достижения этой цели были поставлены и последовательно решены задачи, включавшие уточнение теоретических понятий «культура повседневности» и «поэтика культуры повседневности» [23; 24; 27; 30]. Решение этих задач потребовало применения комплексного подхода, сочетающего историко-литературный, сравнительно-типологический, структурно-семиотический и биографический методы, а также метод целостного анализа художественного произведения. Сочетание множества методологий указывает на академическую глубину и строгость исследования. Выбор произведений, охватывающих советский, лагерный и эмигрантский периоды, оправдывает такой многоаспектный подход, поскольку каждый контекст требовал специфического анализа, например, биографического для личного опыта или структурно-семиотического для повторяющихся мотивов. Этот аспект обеспечивает прочность аналитической основы и вносит вклад в академический дискурс.

Проведенный теоретико-литературный анализ показал, что «культура повседневности» представляет собой сложный, многоуровневый конструкт, охватывающий как материальные, так и духовные аспекты человеческой жизни. Интерес к этому феномену в гуманитарных науках прошел значительную эволюцию: от простого бытописания он сместился к глубокому анализу «структур повседневности» (французская Школа «Анналов» [9; 11; 42]) и, позднее, к изучению микроуровня, субъективного опыта «маленького человека» (немецкая «история повседневности» (Alltagsgeschichte), феноменологический подход [8; 16; 48]). Русская литература XX века, в свою очередь, продемонстрировала широкий спектр подходов к художественному воплощению повседневности. Творчество Сергея Довлатова органично вписывается в этот возросший интерес, предлагая собственную, новаторскую модель художественного осмысления обыденного, которая удивительным образом резонирует с наиболее проницательными теоретическими разработками в области изучения повседневности, акцентирующими внимание на микроистории, значимости индивидуального опыта и голосе «маленького человека». Это свидетельствует о том, что Довлатов, будучи художником, интуитивно улавливал и художественно воплощал сложные теоретические концепции, разрабатываемые академическим сообществом. Подобное соответствие поднимает его творчество над простым повествованием, превращая его в форму культурного и философского исследования, что подтверждает глубокую связь между художественной интуицией и научным осмыслением.

Анализ продемонстрировал, что личный опыт Сергея Довлатова, погруженного в разнообразные социокультурные повседневные контексты, стал не просто тематической базой, но и важнейшим формообразующим фактором его прозы. Художественный метод Довлатова, наиболее точно определяемый как «псевдодокументализм» [35], позволил ему органично сочетать автобиографическую достоверность с художественным обобщением, стирая грани между фактом и вымыслом. Ключевыми элементами авторской

позиции Довлатова стали всепроникающая ирония, часто переходящая в самоиронию, острое чувство абсурда как имманентного свойства мира и специфически понимаемая концепция «нормы». Эта «норма» в довлатовском мире чаще всего оказывается недостижимым идеалом, утверждающимся парадоксальным образом – через последовательную демонстрацию ее тотального отсутствия, искажения или невозможности в окружающей героев повседневности. Она функционирует как этический и эстетический камертон, позволяющий измерить глубину царящего абсурда. Постоянный поиск «нормы» через демонстрацию ее отсутствия является не просто стилистической особенностью, а глубоким философским утверждением. Подчеркивая отсутствие «нормы», Довлатов выражает фундаментальное человеческое стремление к порядку, смыслу и человечности в хаотичном мире. Это создает уникальный трагикомический эффект его прозы, где юмор возникает из разрыва между стремлением и реальностью, а трагедия — из невозможности преодолеть этот разрыв. Таким образом, «норма» становится экзистенциальным ориентиром, ведущим читателя через абсурд и раскрывающим глубокий гуманизм, скрытый за иронией.

Исследование конкретных произведений Довлатова позволило выявить ключевые художественные средства и приемы репрезентации повседневности. Художественная деталь в его прозе никогда не бывает случайной, становясь «жестом», концентрирующим смысл [17, с. 88]. «Вещный мир», особенно ярко представленный в сборнике «Чемодан» [22, т. 3], выступает как катализатор воспоминаний, символ дефицитной экономики и материализованное воплощение абсурдности советской повседневности. Специфика хронотопа характеризуется устойчивым мотивом замкнутого пространства [2, с. 4209; 43, с. 12], создающего ощущение тесноты и клаустрофобии. Повторяемость действий, ситуаций и фраз [2, с. 4210] создает ощущение рутинности и безысходности, превращая повседневность в экзистенциальную ловушку [43, с. 12].

Уникальный язык и стиль Довлатова, отличающиеся предельным лаконизмом, афористичной фразой и мастерством диалога, служат инструментом вскрытия абсурда человеческой коммуникации. Феномен «говорящей машины», отмеченный А. Генисом [17, с. 155], когда персонажи произносят механические, клишированные фразы, ярко отражает дегуманизацию и пустоту повседневного общения. У Довлатова язык – не просто инструмент описания повседневности, а сама её плоть. Разрушение языка, его клишированность или, наоборот, его живая, ненормативная энергия – это симптомы и неотъемлемые составляющие той повседневной культуры, которую он исследует. Это означает, что механизация или искажение языка в его произведениях является не только стилистическим выбором, но и прямым отражением и активным формированием абсурдной реальности, которую он изображает. «Говорящая машина» выступает метафорой дегуманизации, где индивиды теряют свой подлинный голос и становятся проводниками клише, что указывает на мощную причинно-следственную связь: абсурдная повседневная среда формирует язык, а искаженный язык, в свою очередь, увековечивает и усиливает этот абсурд.

Ирония и абсурд являются не просто характерными чертами, а системообразующими элементами художественного мира Довлатова [3; 5; 13; 14; 17; 38; 43]. Ирония, включая глубокую самоиронию героя-рассказчика, и последовательная фиксация абсурда, возникающего из фундаментального разрыва между человеком и миром [43, с. 8], служат мощным инструментом деконструкции мифов и создания неповторимого трагикомического эффекта.

Анализ произведений, отражающих как советский, так и эмигрантский периоды жизни писателя, выявил определенную динамику в изображении повседневности. Если в «советских» текстах, таких как «Зона», «Заповедник», «Чемодан», абсурд повседневности зачастую имел ярко выраженные социально-идеологические корни, то в «эмигрантских» повестях «Иностранка» и «Филиал» фокус несколько смещается. В эмиграции абсурд в большей степени оказывается связан с проблемами культурной адаптации,

ностальгией, поиском идентичности и сложностями межличностных отношений внутри диаспоры [3; 17, с. 230]. Таким образом, наблюдается переход от абсурда «системного», порожденного конкретным общественно-политическим строем, к абсурду более универсальному, «экзистенциальному» или «культурному».

Научная новизна настоящей выпускной квалификационной работы заключается в следующем. Во-первых, впервые предпринят комплексный анализ поэтики культуры повседневности в избранных произведениях С. Довлатова как целостной, системно организованной художественной структуры. Такой системный подход предлагает более глубокое и интегрированное понимание его поэтики, устанавливая новый стандарт для будущих исследований Довлатова и показывая, как отдельные литературные элементы способствуют формированию более широкого, связного художественного видения.

Во-вторых, в работе выявлены и систематизированы специфические художественные приемы и средства репрезентации повседневности (роль детали, особенности хронотопа, языка, иронии, абсурда, диалогичности), а также определена их функциональная нагрузка в формировании уникального авторского стиля и картины мира писателя.

В-третьих, установлены типологические связи и выявлены связующие мотивы и приемы в изображении различных модусов повседневности (советской, лагерной, эмигрантской), что позволило аргументированно говорить о единстве художественного мира Довлатова.

В-четвертых, особый акцент сделан на исследовании динамики изображения повседневности у Довлатова – от произведений, отражающих советский опыт, к текстам, посвященным эмиграции, что позволило проследить, как эта динамика отражает изменения в мироощущении писателя и как эволюционирует его поэтика повседневности.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении и систематизации научных представлений о поэтике Сергея Довлатова, в

частности, о роли, функциях и способах художественной репрезентации повседневности в его прозе. Исследование вносит вклад в разработку категории «поэтика культуры повседневности» в отечественном литературоведении, уточняя ее содержание и предлагая апробированную методику анализа на конкретном материале. Это означает, что выпускная квалификационная работа не только применяет существующие теории, но и активно способствует развитию теоретических основ дисциплины. Предлагая апробированную методику анализа на конкретном материале, работа предоставляет практическую модель, демонстрируя, как абстрактные теоретические концепции могут быть эффективно применены и уточнены через конкретный литературный анализ. Такой двойной вклад (теоретическое развитие и практическая методология) значительно повышает академическое влияние работы. Результаты работы могут обогатить знания о специфике русской литературы второй половины XX века, о феномене «третьей волны» русской эмиграции и о месте Довлатова в этих процессах.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы состоит в возможности использования ее материалов и выводов в вузовском преподавании: при разработке лекционных курсов по истории русской литературы XX века, спецкурсов и семинаров, посвященных творчеству С. Довлатова или проблемам культуры повседневности в литературе. Результаты исследования могут найти применение при написании учебных пособий, методических рекомендаций для студентов-филологов, а также быть полезны для дальнейших научных исследований.

В результате проведенного исследования можно с уверенностью утверждать, что Сергей Довлатов внес уникальный и непреходящий вклад в художественное осмысление феномена культуры повседневности в русской литературе. Его проза, балансирующая на грани документа и вымысла, смешного и трагического, бытового и экзистенциального, с поразительной точностью и художественной силой запечатлела абсурд и трагикомедию человеческого существования в специфических условиях советской и

эмигрантской действительности второй половины XX века. Довлатовский «маленький человек», его ироничный, но при этом глубоко сочувственный взгляд на мир, его мучительное стремление к «норме» в ненормальных, абсурдных обстоятельствах и его неподражаемый, кристально ясный и одновременно бесконечно емкий язык обеспечили ему прочное место в истории русской литературы.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных различным аспектам творчества Довлатова [3; 4; 5; 13; 14; 17; 38], его наследие по-прежнему предоставляет широкое поле для дальнейших научных изысканий. Это подчеркивает не только уникальный и непреходящий вклад Довлатова, но и его постоянную академическую плодотворность.

Данная выпускная квалификационная работа, сосредоточившись на комплексном анализе поэтики культуры повседневности в творчестве Сергея Довлатова, закладывает определенную основу для таких дальнейших исследований, еще раз подтверждая неисчерпаемость, глубину и непреходящую актуальность творческого наследия писателя.

Список литературы

1. Агеносов В. В. Литература русского зарубежья (1918–1996): учебное пособие / В. В. Агеносов. – М.: Терра: Спорт, 1998. – 540 с. – ISBN 5-300-01684-7.
2. Анисимова А. Н. Поэтика повседневности в творчестве С. Довлатова / А. Н. Анисимова, Ю. И. Ефремова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 12. – С. 4209–4212. – DOI: 10.30853/phil20230631.
3. Арьев А. Ю. Наша маленькая жизнь / А. Ю. Арьев // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба: итоги Первой международной конференции «Довлатовские чтения» / составитель А. Ю. Арьев. – СПб.: Звезда, 1999. – С. 5–16. – ISBN 5-7439-0057-4.
4. Арьев А. Ю. (сост.). Сергей Довлатов: лицо, словесность, эпоха: итоги Второй международной конференции «Довлатовские чтения» / составитель и редактор А. Ю. Арьев. – СПб.: Звезда, 2012. – 256 с. – ISBN 978-5-7439-0165-5.
5. Арьев А. Ю. (сост.). Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба: итоги Первой международной конференции «Довлатовские чтения» / составитель А. Ю. Арьев. – СПб.: Звезда, 1999. – 320 с. – ISBN 5-7439-0057-4.
6. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: сборник статей / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
7. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 4-е изд. – М.: Советская Россия, 1979. – 318 с.
8. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; перевод с английского Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с. – ISBN 5-85691-036-2.
9. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок; перевод с французского Е. М. Лысенко; Академия наук СССР. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1986. – 254 с. – (Памятники исторической мысли).

10. Бобыкина Е. Н. Интердискурсивность как композиционно-стилевая доминанта повести С. Довлатова «Иностранка» / Е. Н. Бобыкина // Вестник Марийского государственного университета. – 2022. – Т. 16, № 4. – С. 528–534. – DOI: 10.30914/2072-6783-2022-16-4-528-534.
11. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель; перевод с французского Л. Е. Куббеля. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2006. – 592 с. – (Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.; т. 1). – ISBN 978-5-7777-0345-3.
12. Бродский И. А. О Сереже Довлатове: [эссе] / И. А. Бродский // Звезда. – 1992. – № 2. – С. 188–191.
13. Вайль П. Л. 60-е. Мир советского человека / П. Л. Вайль, А. А. Генис. – М.: АСТ: CORPUS, 2018. – 432 с. – ISBN 978-5-17-108421-9.
14. Вайль П. Л. Родная речь. Уроки изящной словесности / П. Л. Вайль, А. А. Генис. – М.: АСТ: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2018. – 416 с. – ISBN 978-5-389-14900-7.
15. Власова Ю. Е. Жанровое своеобразие прозы С. Довлатова: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Власова Юлия Евгеньевна; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – М., 2001. – 24 с.
16. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель; перевод с английского З. Замчук, Н. Макаровой, Е. Трифионовой. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с. – (Мастера социологии). – ISBN 5-469-00033-8.
17. Генис А. А. Довлатов и окрестности: филологический роман / А. А. Генис. – М.: Вагриус, 2001. – 283 с. – ISBN 5-264-00541-9.
18. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1977. – 443 с.
19. Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград: Советский

- писатель, Ленинградское отделение, 1989. – 608 с. – ISBN 5-265-00900-9.
20. Доброзракова Г. А. Поэтика С. Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX–XX веков: специальность 10.01.01 «Русская литература»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Доброзракова Галина Александровна; Российский университет дружбы народов. – М., 2012. – 425 с.
21. Доброзракова Г. А. Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова: специальность 10.01.01 «Русская литература»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Доброзракова Галина Александровна. – Самара, 2007. – 187 с.
22. Довлатов С. Д. Собрание сочинений: в 4 томах / Сергей Довлатов; [составление, подготовка текста, примечания А. Ю. Арьева]. – СПб.: Азбука-классика, 2003–2005. – ISBN 5-352-01211-3 (общий).
23. Касавин И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2004. – 432 с. – ISBN 5-88373-163-5.
24. Касавин И. Т. Повседневность как проблема междисциплинарной эпистемологии / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 20, № 2. – С. 5–13.
25. Касавин И. Т. (ред.). Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания: [сборник статей] / ответственный редактор И. Т. Касавин; Академия наук СССР, Институт философии. – М.: Политиздат, 1990. – 462 с.
26. Кипнес Л. В., Тупицына И. Н. «Культура повседневности» в прозе Сергея Довлатова / Л. В. Кипнес, И. Н. Тупицына // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 4 (36). – С. 171–174.

- 27.Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1994. – 399 с. – ISBN 5-210-01524-6.
- 28.Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 447 с. – (Язык. Семиотика. Культура). – ISBN 5-7859-0006-8.
- 29.Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М.: Гнозис: Издательская группа «Прогресс», 1992. – 270 с. – ISBN 5-01-003843-7.
- 30.Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 томах / Ю. М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 129–132. – ISBN 5-450-01550-5.
- 31.Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке; под общей редакцией С. В. Журавлева; перевод с английского и немецкого. – М.: РОССПЭН: Германский исторический институт в Москве, 2010. – 271 с. – (Современная немецкая историография). – ISBN 978-5-8243-1405-2.
- 32.Лыткина О. И. Концепт «свой – чужой» в повести С. Довлатова «Иностранка» / О. И. Лыткина // Вопросы русской литературы. – 2017. – № 3-4. – С. 223–226.
- 33.Мотыгина Ж. Ю. С. Довлатов: Творческая индивидуальность, эволюция поэтики: специальность 10.01.01 «Русская литература»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мотыгина Жанна Юрьевна. – Астрахань, 2001. – 175 с.
- 34.Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / Н. А. Николина. – Москва : Академия, 2003. – 256 с. – ISBN 5-7695-0899-3.

35. Пекуровская А. Когда случилось петть С. Д. и мне: Сергей Довлатов глазами первой жены / Ася Пекуровская. – СПб.: Симпозиум, 2001. – 432 с. – ISBN 5-89091-160-0.
36. Попов В. Г. Довлатов / В. Г. Попов. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 368 с. – (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; вып. 1261). – ISBN 978-5-235-03358-0.
37. Струкова Т. Г. Культура повседневности в зеркале художественной литературы XX века (к постановке проблемы) / Т. Г. Струкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2, ч. 1. – С. 173–177.
38. Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба / И. Н. Сухих. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: Азбука, 2010. – 288 с. – ISBN 978-5-389-01083-3.
39. Толстая Т. Н. Ну и что? / Т. Н. Толстая // День. Личное: [сборник эссе] / Т. Н. Толстая. – М.: Эксмо, 2007. ISBN 978-5-699-19770-2.
40. Тынянов Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов; Академия наук СССР, Отделение литературы и языка, Комиссия по истории филологических наук; издание подготовили Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. – М.: Наука, 1977. – С. 255–270.
41. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов; Академия наук СССР, Отделение литературы и языка, Комиссия по истории филологических наук; издание подготовили Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. – М.: Наука, 1977. – С. 270–281.
42. Февр Л. Бои за историю : сборник статей / Л. Февр; перевод с французского А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю. Н. Стефанова; Академия наук СССР. – М.: Наука, 1991. – 629 с. – (Памятники исторической мысли). – ISBN 5-02-009042-5.

43. Федотова Ю. В. Художественная концепция абсурда в прозе
С. Довлатова: специальность 10.01.01 «Русская литература»:
автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук / Федотова Юлия Владиславовна; Уральский
государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург,
2006. – 22 с.
44. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. О. Чудакова. –
2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988. – 669 с. – ISBN 5-212-00078-5.
45. Чуковский К. И. Быт. Бытие. Событие. Обычай / К. И. Чуковский //
Собрание сочинений: в 15 томах / К. И. Чуковский. – М.: Терра-
Книжный клуб, 2002. – Т. 6: Литературная критика (1901–1908). – С.
446–449. – ISBN 5-275-00530-3 (т. 6).
46. Чупринин С. И. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям /
С. И. Чупринин. – М.: Время, 2007. – 768 с. – ISBN 978-5-9691-0129-5.
47. Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе
(1914–1933) / В. Б. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.
– ISBN 5-265-00951-3.
48. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по
феноменологической социологии / А. Шюц; [составление
А. Я. Алхасова; перевод с английского А. Я. Алхасова,
Н. Я. Мазлумяновой; научный редактор перевода Г. С. Батыгин]. – М.:
Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 334 с. – ISBN 5-
93947-012-2.
49. Щавелев С. П. Повседневность, научность, специальность: проблемы
соотношения рациональностей / С. П. Щавелев // Научная
рациональность и структуры повседневности: тезисы международной
конференции, 19-21 мая 1999 г. / Российская академия наук, Санкт-
Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова [и др.]; [редакционная коллегия: Ю. С. Воронков
(ответственный редактор) и др.]. – СПб.: [б. и.], 1999.

- 50.Эйхенбаум Б. М. Литературный быт / Б. М. Эйхенбаум // О литературе: Работы разных лет / Б. М. Эйхенбаум. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 428–436.
- 51.Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 томах / Н. Элиас; перевод с немецкого А. М. Руткевича. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – Т. 1. – 331 с. – ISBN 5-94483-006-3..
- 52.Якобсон Р. О. Работы по поэтике: Переводы / Р. О. Якобсон; составление и общая редакция М. Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – 460 с. – (Языковеды мира).